

Гражданин мира из Оснабрюка

Беспорно, Эрих Мария Ремарк относится к числу неординарных фигур в литературном мире. Его творчество по вполне понятным причинам вызвало противоречивые оценки в зависимости от жизненных установок самих критиков. Однако оно, несомненно, вызывает у читателя потребность в поиске ответа на извечный вопрос — а что же является главными ценностями жизни и где в мире эти ценности место романтической дружбы, любви, а где — безоглядной нехватки.

«Я ВСЕГДА думал, что любой человек против войны, пока не выяснил, что есть и такие люди, кто за нее — особенно если им самим не нужно идти воевать». Как никто другой, он отразил эту простую и неопровержимую истину в своем творчестве. Он — это Эрих Мария Ремарк, один из самых знаменитых немецких писателей всех времен.

Ремарк, обретший всемирную славу своим антивоенным романом «На Западном фронте без перемен», в начале 30-х годов написал по заказу одного американского иллюстрированного журнала шесть рассказов. До сих пор не опубликованные в Германии, теперь эти прозаические произведения, объединенные в книге под названием «Враг», становятся достоянием общественности. Один из них публикуется ниже.

Эти тексты, издаваемые в обратном переводе с английского, и есть настоящий Ремарк со всеми его сильными и слабыми сторонами. В них — радикальный пацифизм писателя, порожденный кровопролитными боями первой мировой войны и нашедший материальное воплощение в журналистской точности и взволнованной сентиментальности, которая порой граничит с кичем. Эти лаконичные и потому особенно трогательные истории представляют собой воспоминания бывших участников войны, ожившие ужасы, происходившие на полях сражений, которые уже нача-

Эрих Мария Ремарк и Полеетт Годар.

ли порастать травой, попытки отдельных людей залечить коллективную травму первой мировой войны.

Почти все произведения Ремарка становились бестселлерами. Правда, его литературная репутация до сих пор вызывала так же много споров, как и его неординарная личность.

«Чего-то в его лице мне не хватало, наверное, монополия», — с издевкой говорил Бертольд Брехт в конце 1941 года, находясь в эмиграции в Калифорнии. В Берлине времен «золотых двадцатых годов» Ремарк носил в глазу «стендышко». Еще до этого он «облагодородил» свое имя: вместо Эрих Пауль стал называться себл Эрих Мария и писать свою фамилию на французский манер. Он любил шегольнуть военным орденом, купленным аристократическим титулом, шляпой-цилиндром, зонтиком и шармом заправского денди, которому женщины сдавались шеренгами. Он любил роль светского человека с налетом богемы.

Эти безобидные попытки «выставиться», по-видимому, объяснялись стремлением как-то компенсировать

свое мелкобуржуазное происхождение. А родился Ремарк в 1898 году в семье книжного переплетчика в Оснабрюке, где царил душная атмосфера типичного провинциального города. После окончания школы он стал посещать католические курсы, где готовили учителей, но уже в 1916 году его призвали в армию. Конец войны застал его в лазарете, где он долечивал рану от осколка гранаты. Вернувшись в Оснабрюк, Ремарк завершил учебу, и его назначают «запасным учителем», который должен ездить по окрестным деревням, если надо заменить заболевшего педагога. Он принимает назначение неохотно, потому что к тому времени его уже интересуют только литература. Прислушался писательские амбиции Ремарка.

В 1920 году он публикует свой первый роман — типичное для того времени варенье из жизненной философии и декадентских настроений, исполненное в запоздалом юношеском стиле. Писатель все больше и больше шкерирует добропорядочного буржуа. В Оснабрюке его невзлюби-

ли, в частности, потому, что он завел себе собаку и назвал ее Носке (Густав Носке, деятель социал-демократии, в 1919—1920 годах военный министр. — Ред.). Ремарк при всем честном народе дрессировал собаку, сопровождая свои действия комментариями вроде «Ну, и паршивая ты, собака, Носке!». Вскоре он совсем передал своих деревенских учеников на попечение коллег, больше интересующихся педагогикой, а сам стал перебиваться случайными заработками. Писатель работал приказчиком, бухгалтером, продавцом надгробий, учителем музыки, органистом, театральным критиком.

РЕКЛАМНЫЙ АГЕНТ

В 1922 ГОДУ он уезжает из Оснабрюка в Ганновер и становится там редактором многотиражки резиновых заводов «Континенталь». Кроме того, он сочиняет тексты для рекламы. Ремарк, который обожал автомобили, поставил свой талант на службу обеспечения лучшего сбыта автомобильных покрышек и стал по собственному определению, «авторитетом в области производства резины». Благодаря этой работе, вспоминал Ремарк в 50-е годы, «я овладел газетным ремеслом. Кроме того, она давала деньги и утоляла мой сочинительский голод».

В то же время он публикует в газетах и журналах статьи, комментарии и изысканные трактаты вроде «Путеводителя по декадансу» или «О том, как смешивать качественные шпаны». Наконец, удача: прыжок в столицу! В 1925 году он начинает работать в Берлине в спортивной газете «Шпорт им Бильд» и быстро становится ведущим специалистом по автомобильной тематике.

Его «сочинительский голод» опять пробуждается, и Ремарк охватывает читателей газеты романом с продолжением «Станция на горизонте» — банальной историей, где много роскошных машин и красивых женщин.

Одна такая женщина, бывшая таицовица Илзе Замбона, по отзывам одного из современников, «изящная, очень красивая и выглядывшая, как украшенное», в 1925 году стала женой Ремарка. В 1931 году он развелся, но в 1938 снова вступил с нею в брак — на этот раз фиктивно, чтобы дать ей возможность уехать из Германии в Швейцарию, а оттуда в США.

Еще в Берлине, как вспоминают знакомые, он нередко покидал компа-

нии и вечеринки со словами: «У меня там кое-что начато, я пойду, а вы позаботьтесь о моей жене».

Это «кое-что» было «всего лишь» черновиком рукописи романа о первой мировой войне под названием «На Западном фронте без перемен», которому суждено было выйти во всем мире общим тиражом 25 миллионов экземпляров и получить такой успех, какой имели немногие романы.

Готовую рукопись Ремарк сначала предложил издательству Семюэля Фишера, но тот отказался печатать роман. «Сэмми» Фишер очень скоро будет из-за этого кусать себе локти. Горят, будто он признавался Томасу Манну: «Если у издателя случается такой прокол, ему надо сворачивать дело».

В августе 1928 года издательство

Кадр из фильма «На Западном фронте без перемен».

«Протилесен» приняло рукопись и начало беспрецедентную рекламную кампанию, обеспечившую сенсационный успех книги. За шесть месяцев тираж романа достигнет полутора миллиона экземпляров. Владелец издательства «Протилесен» Ульштайн продает права на экранизацию романа кинокомпании «Юниверсал пикчерс», и уже в апреле 1930 года на экраны выходит фильм «На Западном фронте без перемен» режиссера Льюиса Майлстоуна. Гонорар Ремарка составил астрономическую по тем временам сумму в 100 тысяч долларов.

Конечно, феноменальная популярность книги была вызвана отнюдь не одним только умным маркетингом. Как писали газеты, этот успех, которого еще не знала никакая немецкая книга, имеет одно объяснение: «Правдивость этого произведения заставила

всех нас заново пережить пережитое».

«Заново пережить пережитое» — действительно, в этой формулировке зашифрен не только ключ к успеху, но и возможность лучше понять писателя «кухню» Ремарка. Он рассказывал о том, что пережил на войне обыкновенный солдат. В отличие от вышешенно-героического флера военных воспоминаний офицерского корпуса Ремарк выдвинул на передний план ужас пережитой войны как войны маленького человека.

«На Западном фронте без перемен» не эстетизирует жестокость прошедшей войны, но и не впадает в обаяние обличия. Он никого не обманет. Сам Ремарк говорил коротко и точно: «Роман этот не политический. Но он с мелкобуржуазной педагогичностью показывает, как в этой обиходной повседневности расцветали немецкая сентиментальность и тоска по идиллии, как товарищество помогало выстоять перед лицом смерти покинувшей многотысячный урожай».

В 1932 году Ремарк едет в Швейцарию, где покупает роскошную виллу. Она располагалась в Порто Ронко, в Аскопе, на берегу озера Лаго-Маджоре. Там он снова предается своим страстям — а это прекрасные женщины, алкоголь и антиквариат — и пишет в продуманной последовательности новые романы, обреченные на успех: «Возвращение» (1931 год) и «Три товарища» (1938), которые, правда, никогда не знали таких тишащей, как «На Западном фронте без перемен».

Враждебное отношение Ремарка к национал-социализму было характерным для того, как он, индивидуалист с пацифистскими и демократическими настроениями, отрицал террор и массовую историю. Напротив Геббельса, приказавший воспрепятствовать премьере экранизации «На Западном фронте без перемен», послал эмиссаров в Швейцарию, чтобы комплиментарно вернуть «домой», в Берлин известного автора. Точно так же Ремарка нельзя было «взломать» и к какому-нибудь другому «изму», он не вступал ни в какие партии и соблюдал явную дистанцию по отношению к сталинскому Советскому Союзу, в то время как другие авторы из немецкой эмиграции приветствовали эту страну как весенний противника Гитлера.

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

В СЕРЕДИНЕ 30-х годов в Венеции Ремарк познакомился с Марлен Дитрих и влюбился в нее. К его горю, эта страсть осталась, можно сказать, односторонней. Но когда в 1938 году Ремарка лишили гражданства германского рейха, он последовал за Марлен Дитрих в США и поселился в Лос-Анджелесе, где быстро стал одной из популярных фигур в голливудском обществе.

Литературная элита Германии, группировавшаяся вокруг Томаса Манна и Бертольда Брехта, избегала его; его писательские опусы, рассчитанные на успех, казались литературе

Молчание вокруг Вердена

Эрих Мария РЕМАРК

НИКТО не может точно сказать, когда это начинается, но вдруг меняются ровные, мягко закругленные линии горизонта; красный и коричневый цвета, яркие, обжигающие краски лесных листьев неожиданно приобретают необычный оттенок, поля бледнеют и блекнут до тонов охры; что-то странное, тихое, бледное появляется в пейзаже, и это нельзя объяснить.

Все та же горная цепь, все те же леса, все те же поля и дуга, что были прежде, и ландшафт по-прежнему тот же, что был час назад; вот пересекающая его дорога, белая и длинная, и золотой свет осени еще проливается над землей, как сладкое вино, — и все же незаметно, неслышно что-то вошло сюда, появившись из далекой дали; вдруг оно здесь — могучее, торжественное и властное, оно нависло над всем.

Но это не те кресты на обочине, которые возникают перед глазами каждый миг, тонкие и мрачные. Покосившиеся и очень усталые, выступают они из травы, потрепанные многими ветрами, изуровненные бесконечно тянущимися облаками, кресты войны 1870 года. Стройные молодые деревца, которые тогда посадили между ними, давно выросли и превратились в деревья с могучими ветвями, полными щебечущих птиц. Эти старые окопы больше не пугают, они уже почти не напоминают о смерти — они прекрасны, живописны и милы, как парковый пейзаж; хорошая земля и хороший край.

Это и не особый характер этой местности, прекрасной и страшной, местности, которая всегда была полем сражений и которая стала свалкой, где на протяжении столетий война сгрудала свои отбросы; словно разные слои скалистых пород, здесь слой ложился на слой, война на войну, и они различны еще и сегодня — от сражений французских королей до окопов Марля-Тура и массовых могил Дюмона...

компансмент грандиозного вая смерти: сегодня вас захватывает бесконечность их молчания. Никакие пикирки, никакие приятные экскурсии по доступным ценам с посещением блиндажей, романтично освещенных карбидной лампой, не могут ничего переменить. Этот край принадлежит мертвым.

Но в земле, которую снова и снова взрывали гранаты разных калибров, в этом краю застывшего ужаса, в этой местности, словно изрытой кратерами, живут люди. Их почти не видно — настолько хорошо приспособились они к такой жизни с течением времени, так мало отличаются они от своего окружения. Их одежда желта и сера и запачкана их жертвами. Иногда их слышишь, иногда, возможно, ты слышишь, но работаешь ты в одиночку и так разбросаны по местности, что всегда кажется — их совсем немного, маленьких прележных муравьев, ползающих по глубоким воронкам. Они живут своей замкнутой жизнью, зачастую месяцами не вылезая из своих темных лагерьных барачков и редко появляются в деревнях. Это искатели. Поля сражений превратились в объект спекуляций. Один предприниматель получил от правительства разрешение собрать здесь весь ценный металл. Для этого он нанимает искателей.

Они охотятся за всем, что можно продать как металл, за старыми ружьями, неразрванными снарядами, железнодорожными рельсами, мотками проволоки, лопатами... Для них эти поля воспоминаний, типичны и скорбны — рудники, где добывают железо, сталь и медь. Медь им нравит-

«Танковая атака на Западном фронте» [1917 год]. Фото «Шпигель», Гамбург.

ся больше всего. За нее дают лучшую цену.

Большинство искателей — русские. В безмолвии и они стали безмолвны. Чаще всего они остаются в своем кругу.

Это выгодное дело, и многие искатели вскоре уже могут позволить себе автомобиль. Артиллерия годами забитыла с том, чтобы у них был заработок. Первый этап поисков — поспешный, поверхностный — миновал, и теперь им приходится копать глубже, добываясь до следующего слоя зарытых сокровищ. Земля твердая, и они уже целую неделю потратили на то, чтобы вырыть одну-единственную яму в несколько квадратных метров. Поэтому важно найти подходящее место. Это требует опыта.

Обычно землю сначала проверяют на наличие металла с помощью длинного железного прута, который загоняют в почву. Может случиться, что при этом ваткнется на сапог, ведь сапоги мертвецов обычно хорошо сохраняются там внизу; но искатель может разобраться, что к чему, у него есть сворожка. Обычно он в состоянии определить, стоит рыть яму или нет. Если он натолкнется на стальную каску, очень хорошо, это ценно потому, что указывает на возможную добычу. Есть несколько старых, опытных искателей, которые копают только там, где на белый свет пробился какой-нибудь куст. По их расчетам, на таком месте должен находиться засыпанный землей блиндаж с трупами — иначе куст не набрал бы столько сил для роста. А в блиндаже обычно можно найти все виды металла.

Если кому повезет, тот наткнется на пулемет или даже на небольшой склад боеприпасов. Тогда, конечно, одним махом можно получить несколько тысяч франков. Об одной находке говорят до сих пор — это был немецкий самолет. На месте пилота еще сидел скелет, а между ногами у него лежал ящик с 15000 золотых марок.

Повсюду одна и та же картина. Сначала землю рылхат и переканывают, потом перебирают пальцами. Появляются ружья, гранаты — немецкие с длинной ручкой — и кухонная утварь. Они вызывают мало интереса. А вот ружейный ствол, погнутый и тронутый ржавчиной, летит в уже собранную кучу ржавого железа. Вот каска — и линейные влажные лохмотья серо-зеленого цвета, слежавшиеся и чуть ли не превратившиеся в глину; череп — он еще с волосами, светлыми волосами, череп с дырой от осколка, который угодил прямо в лоб.

Искатель кладет его в небольшой ящик позади себя. Он вытрясает пять-шесть коричневые кости из жалкого грязно-зеленого тряпья. Последние лохмотья он извлекает из сапог. Все идет в ящик, чтобы вечером отравиться на главный склад для опознания. Остается затасканный кошелек с немного почерневшими деньгами. И еще остатки порядком истлевшего портмоне. Но лопата уже опять завесела о металл, появляются железные сван и мотки проволоки. Хорошая находка.

И снова все та же картина, сто раз, тысячу раз, в лучах осеннего солнца лежит солдат, несколько полуотступивших лохмотьев, несколько костей, череп,

делит, стоит рыть яму или нет. Если он натолкнется на стальную каску, очень хорошо, это ценно потому, что указывает на возможную добычу. Есть несколько старых, опытных искателей, которые копают только там, где на белый свет пробился какой-нибудь куст. По их расчетам, на таком месте должен находиться засыпанный землей блиндаж с трупами — иначе куст не набрал бы столько сил для роста. А в блиндаже обычно можно найти все виды металла.

И кажется, будто сами они не хотели, чтобы было по-другому. Кажется, будто сама земля держит над ними вахту, охраняя их от рук, ищущих металл и деньги между их телами. Ибо рядом с мертвыми солдатами спит их оружие. И часто оказывается, что это оружие еще сохранило свою смертоносную силу.

Одного удара киркой по земле вполне достаточно. Достаточно один раз резко вонзить лопату в землю, и вот она раскалывается с глухим шумом, летят осколки и смерть хватает искателя из-под земли быстрой рукой. Многих уже разорвало на куски, многих исколечило, и каждую неделю к ним добавляются новые жертвы. Смерть, которая сначала соснула солдат, теперь охраняет могилы убитых, и земля бережет их, словно их место не в великодушных мавзолеях, а там, где они пади.

И над этим саваном остановилось время, остановилось от муки, натянутой между двумя горизонтами; над этим саваном тяжело повисло молчание, и скорбь, и память.

Перевод Н. КАВТМАЗОВОЙ.